Софья Кузняева

Еврейские общины Беларуси в конце XVIII - начале XX века

The publication was made possible through a generous contribution of the American Jewish Joint Distribution Committee

Издание вышло в свет благодаря щедрой поддержке организации "Джойнт"

הוצאתו לאור של ספר זה התאפשרה בתמיכתו הנדיבה של

ארגון הג'וינט העולמי

ББК 63.3 (2Б)

Кузняева Софья Анатольевна

Еврейские общины Беларуси в конце XVIII-начале XX века. (Мн., РИП "Петит", 1998 г. 32 с.)

Брошюра кандидата исторических наук С. Кузняевой — результат многолетней работы в архивах. Профессор А. Т. Лейзеров отзывается о работе так: "За последние 80 лет это первое исследование еврейских общин Беларуси в весьма сложный период истории белорусских евреев. Религиозная, духовная, культурная жизнь евреев отражена в работе во всем ее многообразии.

Книга представляет большой интерес для широкого круга читателей."

Рекомендовано к печати Редакционно-издательским Советом при Белорусском объединении еврейских общин и организаций (председатель Совета профессор А.Т. Лейзеров) 20 февраля 1998 года.

В конце XVIII века с карты Европы исчезло целое государство — Речь Посполитая, которую разделили между собой соседние государства Австрия, Пруссия и Россия. Речь Посполитая была государством федеративным, объединявшим Польшу и Великое княжество Литовское, в состав которого входили белорусские земли. В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) они вошли в состав Российской империи. Тогда в рамках нового государственного образования очутилось и многочисленное еврейское население, проживавшее в белорусском крае к тому времени уже около пяти столетий. Оно очутилось в стране, куда евреев до того не допускали по религиозным, идеологическим соображениям, которые наиболее отчетливо сформулировала в свое время императрица Елизавета Петровна в резолюции на предложение Сената хотя бы временно разрешать евреям посещать некоторые города западной части России, чтобы предотвратить там упадок торговли: *"От врагов Христовых не желаю интересной прибыли"* [1].

В "Манифесте" 1772 г. о присоединении Беларуси к России просвещенная императрица Екатерина II обещала белорусским евреям сохранение их имущественных прав, свободу вероисповедания, поскольку, как гласил манифест, человеколюбие не позволило ей *"их одних исключить из общей всем милости"*[2]. Приобретая вместе с белорусскими землями еврейское население, Россия приобретала и многочисленные проблемы сложного еврейского вопроса, так и не решенного Речью Посполитой[3]. Последняя только в 1792 г. решилась предоставить евреям гражданские права, но знаменитая польская Конституция 3 мая 1792 г., принятая накануне окончательного краха Речи Посполитой, не успела воплотиться в жизнь.

На протяжении многих столетий евреи в Речи Посполитой существовали как автономная религиозно-национальная группа, не имели гражданских прав и проживали в стране на основании королевских привилеев. Российская империя включила евреев в мещанское и купеческое сословия, но сохранила отношение к ним как к изолированному и чуждому христианскому миру сообществу.

Правительство Екатерины II пыталось разрешить евреям, купцам и мещанам, принимать участие в городском самоуправлении. Однако попытки эти натолкнулись на резкое сопротивление христиан-горожан восточного региона Беларуси. А в западном и центральном регионах и вовсе не предпринимались, по той же причине. Среди возражений местных христиан против допущения евреев в органы самоуправления городов, где евреи составляли значительный процент населения, было и такое, как *"оскорбление христианских чувств"*[4]. Русское купечество, в свою очередь, не без основания видело в евреях-купцах

опасных и сильных конкурентов и добилось от правительства принятия в 1791 г. указа о недопущении евреям селиться во внутренних губерниях России и торговать там.

Так начала создаваться черта оседлости для еврейского населения империи, которая окончательно оформилась после второго и третьего разделов Речи Посполитой. Таким образом, евреи принудительно привязывались к определенной территории и не имели права свободного выбора места жительства за пределами черты оседлости. Внутренние российские губернии были для них закрыты. В 1794 г. были введены также особые — двойные налоги с евреев. Так начинали закладываться основы исключительного по отношению к евреям русского законодательства, в основе своей запретительного и репрессивного.

Русское правительство на первых порах сохранило еврейские кагалы — эти автономные организации, сформировавшиеся в Речи Посполитой в XVI в. и санкционировало их существование указом 1772 г. о создании губернских и уездных кагалов. Кагалы издавна выполняли роль посредников в отношениях еврейских общин с государственными учреждениями и местным населением, отвечали за выплату налогов. Как органы самоуправления, они контролировали и регулировали жизнь общин во всех ее проявлениях. Администрация кагалов состояла из старшин, которые действовали на правах выборности и сменяемости. Духовным руководителем кагальной организации являлся раввин. Он санкционировал решения кагала, председательствовал в религиозном кагальном суде, исполнял религиозные обряды, накладывал херем на непослушных и виновных, наблюдал за школьным образованием и, конечно же, следуя законам иудаизма, был толкователем Закона и разрешителем возникавших религиозных вопросов. В сферу многочисленных забот кагалов входило наблюдение за религиозным бытом членов общины, синагогами, молитвенными домами, деятельностью меламедов, хедеров и иешив, а также разнообразные аспекты благотворительной деятельности, система которой, создаваемая на протяжении столетий, была великолепно разработана. В каждой общине существовали общества пособия бедным и больным, братства для обучения бедных детей, для выдачи беспроцентных ссуд, для выдачи замуж бедных невест и сбора для них приданого, погребальные братства.

Русское правительство сохранило кагалы, прежде всего, для облегчения сбора налогов и надзора над еврейским населением. В российских условиях кагальные организации начали утрачивать представительские черты. Однако власть кагалов над духовной жизнь еврейства оставалась, как и издавна, всемогущей. Именно эта власть и сильная внутренняя организация общин способствовали не только сохранению в среде белорусского еврейства тысячелетних религиозных и культурно-бытовых традиций, но и

созданию в крае своеобразной атмосферы высокой духовности.

Беларусь и особенно Литва (по тогдашней терминологии историческое название "Литва" закреплено было за Виленщиной, Минщиной и Гродненщиной, в то время как белорусскими именовались только земли Витебщины и Могилевщины) являлись общепризнанными в XVIII в. центрами интеллектуальной и духовной жизни всего европейского еврейства, потому что нигде *"талмудическое образование не стояло тогда так высоко и не было так распространено"*[5]. Литваки,а именно так всегда называли себя евреи Беларуси и Литвы, исполняя незыблемую обязанность иудеев, из поколения в поколение передавали религиозные знания и уделяли чрезвычайно большое внимание религиозному воспитанию и образованию.

Знакомство с Торой начиналось для каждого еврея с раннего детства в отцовском доме и продолжалось в хедерах под руководством меламедов. Обучение в хедерах было обязательным для всех без исключения еврейских мальчиков. Здесь они учились читать на иврите, изучали Тору и Талмуд с комментариями, знакомились со сводами религиозных еврейских законов. Наиболее способные к наукам юноши после окончания обучения в хедерах совершенствовали знания в иешивах — высших религиозных учебных заведениях, откуда выходили уже знатоками всех тонкостей талмудической учености, чтобы посвятить всю жизнь углубленному изучению Закона.

В общепризнанной литваками иерархии культурных ценностей первое место принадлежало религиозной учености и образованности. Ученый книжник пользовался всеобщим уважением единоверцев и мог претендовать на самые почетные должности в общине. Он был, по свидетельству одного из таких книжников, ставшего затем знаменитым европейским философом, Шломо Маймона, *"доверенным, советником, законодателем и судьей простого человека"*[6], с которым за великую честь считали породниться самые богатые соплеменники, имевшие дочерей на выданье. В каждой еврейской семье родители мечтали о том, что их сыновья станут учеными людьми и пополнят многочисленные ряды литвацкой духовной аристократии. Белорусские хедеры и иешивы были переполнены и поставляли раввинов и в Западную Европу.

Общепризнанным центром этого "раввинского царства" был Вильно, город знаменитых еврейских школ и академий, город, который называли "литовским Иерусалимом". В конце XVIII в. тут жил авторитетнейший в то время ученый-талмудист Элиагу бен Шломо Залман, или Элиагу Гаон (1720—1797). Почетное прозвание "гаон" (гений) он получил от современников за выдающиеся познания как один из самых знаменитых в еврейской истории ученых. Аскет и праведник, человек очень небогатый, он отказался от должности виленского равви-

на, чтобы полностью посвятить себя изучению законов Торы, в познании и беспрекословном выполнении которых видел главный смысл жизни человека. Исследования Виленского гаона в области талмудической письменности имели новаторский для того времени характер и пользовались огромной популярностью. Многочисленные его поклонники и последователи приезжали в Вильно, чтобы совершенствовать знания под руководством великого ученого.

Среди учеников Виленского гаона было немало и белорусских раввинов, в том числе и такие знаменитые, как Хаим Воложинский и Мендель Витебский. Обстоятельства того времени поставили этих деятелей по разные стороны баррикад жестокой религиозной борьбы. Конец XVIII в. был для белорусских евреев временем не только кардинальных политических перемен, но и временем очень серьезных разногласий внутри еврейского сообщества, приведших его к глубокому религиозному расколу между последователями традиционного раввинизма и представителями нового течения в иудаизме — хасидизма.

Хасидизм, или "учение благочестия" возник на Украине в 1730-е гг. и очень быстро стал распространяться среди евреев Восточной Европы. Это не было случайностью. Новое движение зародилось как альтернатива и даже вызов всемогущему традиционному раввинизму. Сухой, схоластической, оторванной от требований повседневной жизни раввинской учености, с ее требованиями строгого и слепого исполнения обрядности, хасидизм противопоставил недоверие к схоластическим умственным упражнениям и культ свободного, естественного религиозного чувства, молитвенного экстаза как средства соединения с Богом души каждого, а не только ученого человека. Раввинской проповеди аскетизма — проповедь радостного служения Богу и оптимистического мировосприятия.

В хасидизме отчетливо отразилось стремление еврейства к демократизации религиозной жизни и тяга к психологическому освобождению от накопившихся отрицательных эмоций народа, уставшего от многовекового пребывания в среде, враждебной к иудеям.[7] Не случайно хасидизм зародился на украинской земле, где еврейское население еще очень хорошо помнило ужасы казацких войн с их кровавыми еврейскими погромами, унесшими тысячи жизней и разрушившими многие культурные центры еврейской культуры. Значительная часть украинских евреев проживала тогда в сельской местности, а в их среде особенно распространены были мистические и мессианские настроения.

Основатель хасидизма Исраэль Бешт (Бешт — аббревиатура ивритских слов Баал Шем Тов — "чародей, обладатель доброго имени") (1700—1760) был известен на Подолии и далеко за ее пределами как

народный проповедник, к которому стекались толпы последователей нового учения. Один из учеников Бешта — Дов Бер Межеричский после смерти учителя возглавил хасидское движение и содействовал его укреплению и расширению. Среди тех, кто стремился тогда попасть в Межерич к рабби Беру, чтобы приобщиться к новому учению, были и молодые талмудисты-литваки. В том числе и те, кто в скором времени возглавили хасидское движение в Беларуси. Это — Аарон Карлинский, Соломон Карлинский, Леви Ицхак из Пинска, Исраэль Полоцкий, Мендель Витебский.

Был среди них и молодой человек из белорусского местечка Лиозно, о котором Дов Бер сказал как-то: "Этот маленький еврей будет раввином всей Белоруссии". И это предсказание сбылось. Шнеур Залман бен Барух — так звали юношу (в русских документах того времени он именовался Залманом Боруховичем), действительно, в скором времени стал лидером белорусских хасидов, создателем белорусско-литовского или рационального хасидизма, основателем знаменитой династии любавичских раввинов Шнеерсонов.

Естественно, что зарождение хасидизма и та стремительная быстрота, с которой он распространялся, вызвали очень серьезную обеспокоенность в среде духовных лидеров раввинизма. Они увидели в хасидах опасных сектантов, подрывающих основы иудаизма. Началась долгая и бескомпромиссная борьба, которая разделила еврейство на хасидов и их противников — миснагдов. В то время, как на Украине и в Польше хасидизм победоносно завоевывал одну за другой еврейские общины, в литвацкой цитадели раввинизма существовали только тайные хасидские группировки: в Вильно, Минске, Шклове, предместье Пинска Карлине, где действовало наиболее многочисленное в Белоруссии хасидское общество, основанное рабби Аароном Карлинским. Именно поэтому хасидов в то время называли в Беларуси "карлинами".

Противостояние миснагдов и хасидов в нашем крае было особо жестким. Со стороны миснагдов борьбу с "вредной ересью" возглавил сам Виленский гаон. Миснагды обвиняли хасидов в отступлении от веры, налагали херемы от отступников, сжигали хасидские рукописи. На антихасидских съездах в Вильно, Могилеве и Шклове белорусские хасиды были объявлены миснагдами вне закона. Они обвинялись в отступлениях от религиозной обрядности, в изменении текстов молитв на сефардский манер, в нарушении традиций резки скота, в неприличном поведении во время молитв и в повседневной жизни. Предписывалось относиться к хасидам как к врагам, изгонять их из городов и местечек, не селиться рядом с ними и не иметь с ними никаких отношений.

Хасиды, в свою очередь, налагали херемы на миснагдов, сжигали раввинские антихасидские послания. Взаимное ожесточение крепло

год от года. Оно заставляло миснагдов громить молитвенные дома и жилища хасидов. Хасиды же выказали неуместную радость по поводу смерти в 1797 г. их главного гонителя Виленского гаона, что чрезвычайно оскорбило миснагдов и послужило поводом для наложения очередного херема на хасидов.[8]

Белорусские хасиды в ту пору действовали очень осторожно. И, несмотря на гонения, хасидское движение на Беларуси не только не было уничтожено, но и приобрело новое качество. После смерти осенью 1772 г. главы хасидов Бера Межеричского хасидское движение пережило процесс децентрализации и оформления направлений — южного (украинского) и северного (белорусско-литовского). Хасидское движение в среде литваков с самого начала существенно отличалось от украинского и польского. Высокий уровень религиозной образованности литваков препятствовал распространению в их среде хасидского пренебрежения к учености и возникновению культа не очень образованных цадиков. К хасидизму тут обращались люди ученые, прекрасно образованные талмудисты, искавшие в новом учении освобождения из-под монопольной власти раввинизма.

Примирить и соединить лучшие черты хасидизма и ортодоксального раввинизма пытались первые деятели хасидского движения на Беларуси Соломон Карлинский и Мендель Витебский. Однако наиболее удачно и последовательно это удалось осуществить Шнеуру Залману из Лиозно, основателю рационального хасидизма и религиозно-философской системы Хабад (аббревиатура ивритских слов "хохма" — мудрость, "бина" — понимание, "даат" —знание). Шнеур Залман очистил учение Бешта от мистицизма и суеверия, обогатил его доказательствами необходимости тщательного изучения и знания Торы и Талмуда и придал хасидскому учению вид строгой философской системы.

Когда в 1777 г. глава белорусских хасидов Мендель Витебский отправился с группой единомышленников в Палестину, он передал руководство хасидским движением в крае Шнеуру Залману, число последователей которого росло год от года. Вскоре рабби Шнеур Залман поселился в Лядах, и с того времени это белорусское местечко стало одним из самых известных центров еврейской духовной и культурной жизни.

Шнеур Залман неоднократно пытался наладить контакты с духовными руководителями миснагдов и с самим Виленским гаоном, чтобы "установить мир во Израиле", но безрезультатно. Миснагды на такие контакты не шли. Религиозный раскол стал очевидным фактом и приобрел опасную глубину, что заставило противников хасидизма в самом конце XVIII в., когда уже все белорусские земли были присоединены к Российской империи, предпринять шаг, исключительный в истории еврейства в диаспоре, — обратиться за помощью в решении своих внут-

ренних проблем к правительству страны проживания.

Формой дискредитации религиозных оппонентов был избран донос. И донос политический. По первому доносу, в котором хасиды обвинялись в создании вредной секты, наподобие масонских организаций, в поддержании связей с палестинскими хасидами, в частности с Менделем Витебским, в политической неблагонадежности, в 1798 г. был арестован и доставлен в Петербург рабби Шнеур Залман. После допросов в Тайной канцелярии, когда власти и лично сам император Павел I убедились в том, что "секта карлинов" не опасна для государства, Шнеур Залман был освобожден. Однако радость его последователей была не долгой. В 1800 г. рабби Шнеур Залмана вновь арестовали. На этот раз по доносу Авигдора Хаймовича, которого пинские хасиды выгнали с поста городского раввина. И этот донос мог иметь очень серьезные для хасидов последствия. В то время на рассмотрение императора поступило и "Мнение" по еврейскому вопросу сенатора и поэта Гаврилы Романовича Державина, в котором содержалась отрицательная характеристика главы белорусских хасидов. Однако, в результате дворцового переворота, свершившегося в ночь с 11 на 12 апреля 1800 г. и приведшего на российский престол молодого императора Александра I, могущественная Тайная канцелярия была ликвидирована. Начался пересмотр дел этой организации. Дело Шнеур Залмана пересматривалось одним из первых. Знаменитый рабби был освобожден из-под стражи и вернулся на родину[9]. Белорусские хасиды-хабадники ликовали и проклинали Хаймовича, имя которого – Авигдор — в семьях хабадников с тех пор запрещено было давать мальчикам.

Русское государственное "Положение о евреях" 1804 г. узаконило существование религиозного раскола в еврейском обществе. Оно позволило хасидам иметь свои синагоги и хедеры, выбирать своих раввинов. Так официально окончилась жестокая религиозная борьба. Естественно, страсти улеглись не сразу. Однако, миснагды и хасиды привыкали жить рядом друг с другом мирно, хотя и молились в разных синагогах, имели своих раввинов, меламедов и резников. С течением времени они даже начали родниться между собой. А хасидский способ убоя скота был принят всеми белорусскими евреями.

Хасидизм, в конце концов, не посягал на разрушение основ иудаизма. Он вошел в его русло как течение, равное ортодоксальному раввинизму. Сформировались в Беларуси и авторитетные, устойчивые центры как ортодоксального раввинизма, так и хасидизма. Хасиды группировались вокруг Шнеура Залмана и его потомков, которые перенесли резиденцию в Любавичи. А самым престижным и популярным среди раввинистов не только Беларуси и других регионов России, но и европейских и азиатских стран, на протяжении более столетия, учебным за-

ведением стала знаменитая Воложинская иешива, основанная в 1803 г. учеником и соратником Виленского гаона рабби Ицхаком Воложинским.

"Положение о евреях"1804 г. было первым русским законодательным актом, принятым по отношению к еврейскому населению империи. "Положение" создавалось во времена либерального начала царствования Александра I. Тогдашние соратники молодого императора, его либерально настроенная команда, возглавляемая известным русским реформатором Михаилом Сперанским, разрабатывая "Положение", стремилась следовать лозунгу:: "как можно меньше запретов, как можно больше свободы" и советовались с представителями еврейских общин империи[10]. Они отстранили ретроградный проект еврейского закона, предложенный Державиным, где евреи рассматривались как "по нравам своим опасный народ" и "враги христиан".[11] Гаврила Романович обвинил либералов в "пронырстве", лоббировании еврейских интересов и удалился в отставку, чтобы провести остаток жизни в служении музе поэзии, счастливым избранником которой он был.

Однако, "Положение" 1804 г. оказалось очень противоречивым законодательным актом. Оно не давало евреям полных гражданских прав и сохранило существование черты оседлости. Оно закрепляло русский взгляд на евреев как на виновников тяжелого положения крепостного крестьянства в пределах черты оседлости и требовало выселения евреев из деревень в города и местечки, и так переполненные еврейским населением. В нем нашла отражение и имперская точка зрения на культурные традиции еврейства как на основной барьер, отделяющий евреев от христианского населения империи и препятствующий их вовлечению в гражданскую деятельность. Между тем этот закон сохранил основу такой обособленности и замкнутости— кагалы.

Выселение из деревень грозило в массе своей очень бедному еврейскому населению полным разорением, и осуществление его оттягивалось. Прежде всего потому, что накануне войны с наполеоновской Францией русские власти опасались перехода обиженного ими еврейства на сторону французского императора. Не суждено было осуществиться и культурной программе "Положения". В соответствии с этим законодательным актом евреи империи получили тогда фамилии. Однако великодушное дозволение свободно поступать в государственные учебные заведения, зафиксированное в "Положении", евреи, в том числе и белорусские, проигнорировали. В общеобразовательных учебных заведениях Беларуси первой четверти XIX в. обучалось всего около десятка юных евреев. Еще несколько еврейских детей посещали вместе с христианами ланкастерскую школу для бедных, основанную либеральным помещиком, графом Адамом Хрептовичем в Щорсах[12]. Однако такие случаи были исключением из общего правила. Евреи не

спешили отдавать своих детей в христианские школы.

В ту пору, когда культурная и духовная жизнь еврейства протекала исключительно в рамках религиозных, иудеи особенно остро воспринимали попытки вторжения в пределы своего культурного пространства извне, стремясь сохранить тысячелетние иудейские традиции. Между тем, с начала XIX в. внутри еврейского сообщества начали распространяться идеи нового культурного течения, которые с настороженностью встречались и миснагдами, и хасидами. Новые веяния шли из Западной Европы, в частности, из Германии, где во второй половине XVIII в. зародилось движение еврейского просвещения — гаскала — главным направлением которого стало стремление евреев к освоению европейской светской культуры и к культурному сближению с населением стран проживания.

Начало этого движения связано с деятельностью выдающегося еврейского ученого-просветителя Моше Мендельсона из Германии. Он перевел Библию на немецкий язык, основал в Берлине еврейскую школу нового типа, где изучались не только традиционные еврейские предметы, но и светские науки, немецкий язык. Мендельсоновская Библия распространялась и среди литваков, которые изучали по ней немецкий язык. А мендельсоновские идеи постепенно проникали в их сознание.

Однако сопротивление новым веяниям со стороны духовных руководителей белорусского еврейства и послушной им массы населения, обессиленного к тому же недавним острым религиозным противостоянием, было значительным. Поэтому здесь первые последователи гаскалы — маскилим (просветители) вынуждены были долгое время действовать очень осторожно. В то время, когда в Германии основывались уже первые реформистские синагоги, а в Варшаве маскилим, или, как их тогда называли “берлинцы”, “берлинеры”, начали брить бороды, носить европейскую одежду и разговаривать по-немецки и по-польски, в Беларуси поклонники гаскалы осмеливались только пытаться убеждать соплеменников в необходимости изучения светских наук.

В конце XVIII — начале XIX в. поклонники просветительских идей находили понимание и приют в имении Устье на Могилевщине, которое принадлежало богатому и влиятельному “еврейскому вельможе” Иошуа Цейтлину, кстати, одному из основателей петербургской еврейской общины. Сам хозяин, человек прекрасно талмудически образованный, знаток Торы, искренне сочувствовал и новому просветительскому движению. Многие “мендельсоновцы” посещали его блестящий дворец. В том числе — знаменитый шкловский ученый-тамудист и врач Борух Шкловер (Шик), переводчик на иврит европейских учебников по математике, тригонометрии, логике, основавший в имении мецената химическую лабораторию, а также один из пионеров

берлинского просвещения Менахем Мендель Левин, который был учителем в доме Цейтлина[13].

Среди литвацкой молодежи, особенно учеников иешив, распространялось сочинение Ицхака бер Левинзона из Кременца, прозванного "Мендельсоном российских евреев", — «Предназначение Израиля». Эта книга, как и другие просветительские сочинения, читались тайно. Некоторые из первых белорусских маскилим приходили к выводу о необходимости перестройки традиционного еврейского образования на основе соединения религиозного и светского обучения. Одним из первых, кто начал отстаивать эту идею, был выдающийся еврейский ученый Менаше Илиер из белорусского местечка Илия. Однако полного понимания в среде единоверцев он тогда не нашел.

Многочисленные противники гаскалы имели основания подозрительно относиться к новым веяниям. Одним из результатов мендельсоновского движения в Западной Европе был, похожий на эпидемию, массовый переход иудеев в христианство. Такая же судьба постигла и многих представителей не очень многочисленной, но представительной петербургской еврейской общины, где было немало выходцев из Беларуси.

С недоверием, как и большинство евреев Восточной Европы, литваки смотрели и на Наполеона, приверженца освобождения евреев, который в 1807 г. созвал в Париже общеевропейский еврейский Синедрион и даже обещал евреям восстановить их историческую родину на Святой земле. В революционной и наполеоновской Франции литваки видели, прежде всего, средоточие безбожия.

Во время войны 1812 г., несмотря на то, что в России официально утверждалось, что среди многочисленных грехов императора Франции наличествовало и "богопротивное" его стремление "объединить всех евреев и направить их на свержение Церкви Христовой", белорусские евреи поддержали русскую сторону.[14] Многие раввины-литваки накануне войны предсказывали гибель Великой Армии и ее полководцу. В том числе и Хаим Воложинский, и глава белорусских хасидов-хабадников Шнеур Залман, который призывал своих последователей, когда война началась, активно помогать русской армии. Когда наполеоновские отряды подошли к Лядам, Шнеур Залман выехал с семьей из местечка вместе с отступавшей русской армией. Он умер в дороге. Тело его было перевезено в местечко Годячи Полтавской губернии и там похоронено.

Несмотря на то, что евреи Российской империи, и особенно литваки, находившиеся в гуще военных событий, во время войны 1812 г. доказали свою верноподданность России, их положение после войны не изменилось, Более того, у них появилось больше оснований чувствовать себя пасынками в стране, где и правительство, и население

смотрело на евреев с недоверием именно как на представителей иудейского вероисповедания.

Последнее десятилетие царствования Александра I было отмечено резким изменением государственной политики по отношению к еврейскому населению, что в немалой степени было следствием усиления религиозных и мистических настроений в верхах империи. Тогда в законодательстве на первый план начал выходить идеологический, религиозный аспект в отношении к иудеям как к носителям чуждой и опасной для христиан религии. Предпринимались меры по ограждению христиан от близких контактов с евреями. В 1819 г. евреям было запрещено пользоваться трудом крестьян из опасения, что евреи, якобы, смогут переманивать их в иудаизм. В 1820 г. по той же причине было запрещено евреям нанимать христианскую прислугу. В 1825 г. секту русских субботников приказано было именовать "жидовской сектой", а ее членов, упавших "в жидовское нечестие", начали жестоко преследовать.

Верхи империи склонялись и к идее необходимости вести среди иудеев империи миссионерскую работу в целях обращения их в христианство. В 1817 г. было создано "Общество израильских христиан" для новообращенных в христианство. Английским миссионерам было разрешено вести работу среди евреев империи. Российское библейское общество, созданное высшими сановниками империи в 1814 г., распространяло среди иудеев лондонские экземпляры "Нового Завета", переведенного на идиш. По воспоминаниям члена этого общества и Британского библейского общества, английского пастора Роберта Пинкертона, белорусские евреи, как правило, вежливо отказывались принимать эти книги, А один из них, корчмарь из Орши, прямо спросил Пинкертона, позволят ли русские власти евреям, живущим в черте оседлости, быть свободными гражданами этой страны. На этот вопрос честный пастор вынужден был ответить правду, а именно то, что, по его мнению, это никогда не осуществится. [15]

В то время белорусские евреи не раз вынуждены были припоминать и времена Средневековья. Это случалось, когда возбуждались судебные процессы по обвинению евреев в ритуальных убийствах христианских детей и использовании в иудейских обрядах христианской крови. В числе таких дел были Сенненское 1799 г. и Гродненское 1816 г., которые, однако, окончились довольно быстро полным оправданием привлеченных к процессам евреев. Наиболее продолжительным и драматичным процессом такого рода было Велижское дело, возбужденное в 1823 г. по доносу велижской нищенки-христианки, "девки-отгадчицы" Марьи Терентьевой, которая обвинила в убийстве трехлетнего Федора Иванова, сына рядового инвалидной команды, местных евреев. Сначала витебский губернский суд закрыл дело, посчитав ули-

ки, представленные стороной обвинения, недостаточными. Но осенью 1825 г., по личному указанию Александра I, которому во время проезда через Велиж, был поднесен новый донос, дело было возбуждено вновь. Тогда по подозрению в убийстве были арестованы 42 велижских еврея обоего пола. В 1826 г. велижская синагога была опечатана, а изъятые из нее свитки Торы отправлены в полицию.

Дознание тянулось десять лет и сопровождалось издевательствами над арестованными, которые отказывались признать себя виновными.[16] Усердие следователей, добивавшихся от арестованных евреев признания в убийстве любыми способами, поддерживалось тогдашним генерал-губернатором витебским, могилевским и смоленским, князем Хованским. Велижское дело, начавшееся на склоне царствования Александра I и тянувшееся при царствовании его преемника Николая I, закончилось только в 1835 г., когда абсурдность обвинения уже стала абсолютно очевидной. Помог справедливому разрешению дела велижский помещик, русский адмирал Николай Мордвинов, о котором Пушкин говорил, что он "заключает в себе одном всю русскую оппозицию". Мордвинов направил в Государственный Совет записку, где утверждал, что Велижское дело "имело источником злобу и предубеждение и было ведено под каким-то сильным влиянием". Государственный Совет, рассмотрев перипетии следствия, вынужден был согласиться с мнением адмирала. Арестованные евреи были оправданы и выпущены из тюрьмы. Велижскую синагогу распечатали, и в нее торжественно велижские евреи внесли выпущенные из-под ареста свитки Торы. Велижское дело было закрыто. Но оно очень красноречиво засвидетельствовало, что иудейское население империи не могло ощущать себя защищенным ни от проявлений средневековых суеверий низов общества, ни от средневековых подозрений со стороны людей, представлявших государственную власть.

Тем не менее, во время шляхетского восстания 1830—1831 гг., вспыхнувшего в Варшаве и в скором времени распространившегося на Литву и Беларусь, литваки, помнившие бесправную свою жизнь в Речи Посполитой в атмосфере религиозной неприязни со стороны шляхты и костела, не приняли сторону повстанцев, предпочтя сохранять нейтралитет. Однако, как и в 1812 г., обе противостоящие стороны не доверяли евреям, подозревая их в предательстве, и нередко вешали и расстреливали их как "шпионов" и "предателей". Русская армия победоносно разгромила отряды повстанцев. Когда восстание было потоплено в крови, русское правительство начало проводить на неблагонадежных белорусских землях более жесткую, чем ранее, политику, направленную на русификацию края. В отношении еврейского населения в верхах империи существовали особые планы.

За время царствования Николая I (1825—1855) было издано множество законодательных актов, которые касались еврейского населения страны, — почти половина из тех, которые породило русское законодательство за всю историю существования евреев в пределах Российской империи. Они зачастую противоречили друг другу и превращали законодательство по отношению к иудеям в чрезвычайно запутанное и противоречивое. Наиболее важными из принятых в то время правовых актов были "Положения" 1835 и 1844 гг.

Первое подытоживало опыт ограничительных мер. Второе подчинило еврейское население общему управлению и ликвидировало кагалы. Но ответственность за выплату особых еврейских налогов и рекрутские наборы оставило за еврейскими общинами. "Положение" 1844г. предусматривало и коренную перестройку еврейской жизни с целью приближения ее к общеимперским стандартам. Однако, как и раньше, не путем предоставления гражданского равноправия и возможностей свободного экономического, культурного и конфессионального развития.

Законодательные акты николаевских времен засвидетельствовали, что в государственной политике по отношению к еврейскому населению начал явно доминировать религиозный аспект. И то, что Российская империя однозначно относилась к евреям, как к чужеродной группе населения и считала их веру "вредным суеверием", богатую многотысячелетнюю культуру — "невежеством", а приверженность иудеев своим извечным традициям — "упрямством" и "закоснением в невежестве". Способом отношения с евреями империя избрала борьбу с выше означенными "пережитками". Правительство в то время самым непосредственным образом стало не только вмешиваться во внутреннюю жизнь еврейства, но и подрывать, разрушать ее основы.

С 1827 г. евреи начали отбывать натуральную, взамен бывшей денежной, воинскую повинность. Мера эта вводилась с целью "исправления" их нравов. Рекрутская повинность легла непосильным бременем на еврейские общины. Для иудейского населения была установлена норма сдачи рекрутов, большая, чем для христиан —10 человек из 1000. Христиане сдавали 7 из 1000. Рекрутскому набору подлежали евреи с 12 до 25 лет, при том, что служба подростков до 18 лет в солдатский стаж, который составлял тогда в России 25 лет, не засчитывалась. Очень часто при этом брили лбы и вовсе детям — с восьмилетнего возраста.

С рекрутами в еврейских семьях и общинах прощались, как с покойниками, — продолжительность царской солдатской службы не каждому гарантировала возвращение домой. К тому же "исправление нравов" в жестоких условиях солдатского быта, в окружении, неприязненном к иноверцам, вдали от соплеменников, часто завершалось пе-

реходом евреев-солдат в христианство и окончательным отпадением их от иудейского мира. Такая опасность подстерегала, прежде всего, малолетних рекрутов, которые до наступления полнолетия поступали в батальоны военных кантонистов и становились собственностью военного ведомства, его самыми настоящими крепостными.

Еврейских мальчиков-кантонистов не задерживали в черте оседлости, а перегоняли этапами в самые отдаленные губернии России. Многие из них погибали в дороге от болезней, холода и голода. Один из таких этапов повстречал недалеко от Перми самый знаменитый в ту пору русский диссидент Александр Герцен, который так описал в "Былом и думах" свои впечатления. На вопрос:, обращенный к этапному офицеру: «Куда и кого вы ведете?», он услышал:: «И не спрашивайте, индо сердце вырывается; ну про то знают першие, наше дело исполнять приказания, не мы в ответе; а по-человеческому некрасиво... Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми— девятилетнего возраста. Во флот, что ли, набирают – не знаю, Сначала было *велели гнать в Пермь да вышла перемена – гоним в Казань.* Я их принял верст за сто; офицер, что сдавал, говорил: "Беда да и только, треть осталось на дороге (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдет до назначения". "Привели малюток, — вспоминал Герцен, — и поставили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал — бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кой-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст. Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких, толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами — показывали лихорадку и озноб. И эти больные дети без уходу, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого океана, шли в могилу... И при том, заметьте, что вел их добряк офицер, которому было явно жаль детей. Ну а если бы попался военно-политический эконом? Я взял офицера за руку и, сказав: "поберегите их!", бросился в коляску; мне хотелось рыдать, я чувствовал , что не удержусь..." [17]

Тех, кому посчастливилось выжить на дальних переходах, ожидали суровые испытания в казармах, где начальство, чаще всего, побоями и издевательствами, сопровождавшимися оскорблениями, не только приучало "жиденят" к солдатской жизни, но и заставляло их отрекаться от отцовской веры. Верховная власть, надо отметить, поощряла переход евреев-кантонистов в православие и выплачивала воинским чинам, добивавшимся успеха на этом «миссионерском» поприще, денежные вознаграждения. Крестили кантонистов нередко целыми группа-

ми. Новообращенным давали русские имена и фамилии, которые они, почти не владевшие русским языком, долго не могли запомнить, за что часто бывали жестоко биты.

В октябре 1851 г. в Витебск были переведены 112 кантонистов из Перми. Тогда 24 из них подали начальству прошение, где заявляли, что они: «Павел Иванов, Максим Никитин, Петр Михайлов, Михаил Сергеев» и др. — евреи, крещенные в пермском батальоне насильно, и «теперь желают придерживаться своему прежнему иудейству". Перепуганное начальство отослало бумаги в Петербург, и тамошние власти решили: подавших прошение кантонистов как "искушенных в иудейство" срочно выслать подальше от черты оседлости и в дальнейшем не посылать сюда кантонистов из евреев, принявших христианство [18]. Даже в либеральные времена Александра II, который в 1856 г. ликвидировал институт кантонистов, "лица еврейского закона" не имели права просить вернуть им сыновей и родных, переведенных в батальонах кантонистов в христианскую веру. [19]

Русское государство и его законы в вопросах вероисповеданий стояли на страже интересов христианства и, прежде всего, православия — веры господствующей и государственной. Переход иудеев в христианство в николаевские времена поощрялся освобождением выкрестов от воинской повинности и денежными вознаграждениями. Когда случалось, что неофиты выказывали желание вновь вернуться в иудаизм, они рассматривались государством как преступники, отпавшие от христианства и искушенные в иудейство, что каралось чрезвычайно сурово. Николаевскими законами не определялась нижняя возрастная граница перехода иноверцев в христианство, что могло стать и становилось иногда причиной трагедий для тех еврейских семей, чьих детей добровольцы-"миссионеры" крестили без ведома и согласия родителей, после чего выкресты уже никогда не могли вернуться к родным и общаться с ними как с особами "опасного" для христиан вероисповедания. Такие случаи имели место и в Беларуси.

Однако, несмотря на то, что власти поощряли переход иудеев в христианство, процент выкрестов среди евреев черты оседлости, в том числе Беларуси, в ту пору был незначителен. Евреи ревниво оберегали свою веру и вековечный образ жизни, пронизанный религиозными традициями. Поэтому как покушение на основы этого образа жизни и религиозные традиции они восприняли правительственный запрет в 1850 г. носить традиционную одежду, головные уборы и пейсы. Этот запрет, по мнению властей, должен был способствовать уничтожению хотя бы внешних признаков культурной самобытности евреев и являлся составной частью правительственного плана по коренной перестройке еврейского быта.

Запрету предшествовало введение в 1839 г. налога на пошив еврейской одежды, а затем в 1844 г. — повышенного налога на его ношение, от которого освобождались только дети до 10 лет и старики после 60-ти. В то время в органы местной администрации и полиции белорусского края хлынули прошения от евреев позволить им сохранить традиционную одежду «в виде исключения». А витебские евреи в 1845 г. даже составили для членов своей общины особый «домашний регламент», который рекомендовал им одеваться и вести себя как можно скромнее, чтобы не привлекать внимание начальства [20]. Но закон был всевидящ и безжалостен. А его исполнители на местах нередко переступали букву далеко не мягкого закона и суровых циркуляров. В 1850г. на улицы белорусских городов и местечек вышли полицейские с ножницами. Они хватали прохожих евреев, остригали «незаконные» еврейские пейсы, отрывали полы «незаконных» лапсердаков, срывали ермолки с мужских голов, а с женских — парики, и таким образом вносили вклад в объявленную русским правительством борьбу за «просвещение еврейского народа».

В правительственном плане перестройки еврейской жизни главное место отведилось реформе еврейского школьного образования, призванной содействовать разрушению границ культурной изолированности иудейского населения империи. Как известно, в самом еврейском сообществе в то время уже созревали идеи реформирования традиционного образования и введения в хедеры и иешивы изучения светских наук, языков русского и немецкого — основного языка еврейской гаскалы. Однако, как уже отмечалось, идеи эти не пустили еще тогда глубоких корней в массовом еврейском сознании. И отторгались особенно сильно, если попытки реформирования навязывались извне.

Так, когда в 1835 г. смотритель полоцких учебных заведений предложил полоцкому кагалу основать в городе, где, по его сведениям, проживало около 8000 евреев и имелось множество еврейских частных школ, училище для еврейских детей со светским уклоном обучения под надзором местного училищного начальства, то “не получил никакого успеха” по причине несогласия еврейской общины [21].

Во время подготовки реформы петербургские власти командировали в пределы черты оседлости Макса Лилиенталя, выходца из Германии, приверженца гаскалы, директора рижской еврейской школы, который должен был подготовить еврейское общество к восприятию грядущих правительственных мероприятий. В 1841 г. его принимали неприветливо, особенно в Вильно и Минске. Минские евреи прямо говорили Лилиенталю о том, что в стране, где евреи не имеют полных гражданских прав, новая система образования может принести только вред. Ибо образованные по-новому евреи более остро начнут воспри-

нимать унизительность своего существования и станут искать выход в отпадении от веры предков, потому *"ни один честный еврейский отец ни в каком случае не может согласиться к приготовлению своего сына к такому полю деятельности"* [22].

Между тем, правительственный проект еврейской реформы предусматривал не просто расширение объема еврейского образования. Он посягал на самые основы еврейского религиозного обучения, из которого, по мнению официального Петербурга, должно было быть вытеснено изучение Талмуда. Тогдашний министр народного просвещения России С.С.Уваров, руководитель подготовки еврейской реформы, высказывался на этот счет однозначно. Он определял моральный уровень еврейства как "крайне низкий", а причину этого видел в "неразумном суеверии Талмуда", хотя сам вряд ли был знаком с этим памятником религиозной литературы.

Власти посчитали необходимым для подстраховки включить в комиссию по разработке новых программ обучения и новых учебников самых авторитетных в еврейской среде того времени духовных наставников, чье участие легитимировало бы деятельность комиссии, готовившей реформу. Раввинистов в комиссии представлял Ицхак Воложинский, хасидов — Мендель Шнеерсон Любавичский. Оба представляли белорусское еврейство, в массе своей оппозиционно настроенное по отношению к будущей реформе, и не стремились принимать активное участие в работе комиссии. Однако, надо отметить, что и власти не очень-то доверяли знаменитым раввинам, особенно Менделю Шнеерсону, за которым был установлен негласный полицейский надзор [23].

В 1847 г. в границах черты еврейской оседлости, в том числе и в Беларуси, начали учреждаться новые, казенные еврейские училища с правительственными программами обучения. Училища 1-го разряда — в губернских городах, училища 2-го разряда — в уездных. Для подготовки учителей и нового поколения раввинов созданы были раввинские училища — в Вильно и Житомире. Содержались новые школы на средства свечного сбора с евреев.

Еврейское население отнеслось к новым училищам с недоверием как к учреждениям, которые не давали фундаментальных религиозных знаний, действовали под надзором невежественных в вопросах еврейского обучения чиновников-христиан, и, по существу, хотя и не открыто, эти школы бойкотировало. Общины поставляли в казенные училища детей, как рекрутов, в таком незначительном количестве, чтобы училища хотя бы числились существующими. Посылали, как правило, детей из самых бедных семей, состоятельные родители предпочитали откупаться или нанимать школьных "рекрутов". В 1849 г., например, в казенном еврейском училище Могилева насчитывалось 28 учеников, в

таком же училище в Витебске — только 15. В списках шкловского училища 1854 г. числилось 27 учащихся, в списках любавичского 1852 г. —14. [24]

Меламеды в то время обязаны были зарегистрировать свои школы в учебных округах и регулярно посылать училищному начальству списки учеников, а с 1849 г. еще и сдавать экзамены по русскому и немецкому языкам. Однако большинство меламедов от государственного контроля предпочли укрыться и продолжали учить детей по старинке, но уже тайно. В то время в еврейской среде значительно усилилась и до того никогда не исчезавшая тяга к изучению Торы и Талмуда — книг, бывших для евреев духовной родиной, где они находили интеллектуальное, духовное и душевное убежище. Почти круглосуточное сидение юношества над книгами в хедерах и иешивах подрывало здоровье молодых людей, но считалось доблестью и поощрялось повсеместно. Наиболее популярными тогда были Мирская и Воложинская иешивы. После смерти Хаима Воложинского, которому удавалось не раз спасать Воложинскую иешиву от закрытия, это учебное заведение возглавил энергичный Нафтали Берлин, значительно укрепивший авторитет всемирно известной иешивы.

В еврейской среде традиционно сохранялся культ книги. В первой половине XIX в. еврейские типографии действовали в Минске, Гродно, Шклове, Копыси, Лядах, Заславле, где печаталась религиозная литература, труды местных ученых и раввинов. Широко распространялись среди еврейства Беларуси и книги, изданные в других регионах российской черты оседлости и Западной Европы. Книги имелись в каждом еврейском доме. Нередко и женщины имели свои домашние библиотечки из книг на идиш, как светских, так и религиозных, по которым еврейские девочки учились основам вероучения. Поэтому не могли вызвать одобрения иудейского населения мероприятия правительства по установлению жесткого контроля над изданием еврейских книг в 1834 г. и введению в 1836 г. цензуры в отношении книг, уже изданных и находившихся на руках.

С 1854 г. раввинские училища начали выпускать учителей для казенных еврейских училищ и новых, так называемых, "казенных" раввинов. Евреи смотрели на них как на "немчиков" и считали недоучками. Нередко в таком отношении были виноваты и сами молодые учителя и раввины, демонстративно выказывавшие некоторое пренебрежение к тем привычкам своих соплеменников, которые казались им безнадежно устаревшими. Кроме того, по предписанию русского правительства новые раввины должны были стать не только духовными руководителями общин, но и исполнять чиновничьи обязанности и даже "искоренять суеверие Талмуда". Именно поэтому чаще всего общины их не принимали и не признавали [25].

Николаевские времена, когда на головы еврейского населения Российской империи, как беды из ящика Пандоры, сыпались многочисленные правительственные реформы, разрушавшие основы еврейских традиций, сохранились в памяти еврейства как одни из самых тяжелых в его истории. Еврейство тогда отдало немало сил, чтобы отстоять и сохранить свои извечные традиции. Когда после смерти Николая I его преемник Александр II подводил итоги отцовского царствования, он вынужден был придти к заключению: попытки правительства открыто и грубо вмешиваться в религиозно-культурную жизнь евреев не принесли империи желаемых результатов. Начиналась новая историческая эпоха, время "великих перемен", которые затронули и еврейское население.

Преобразовательное движение, затронувшее все стороны жизни империи во время царствования Александра II, не могло не коснуться еврейского вопроса. Некоторые высшие сановники тогда прямо высказывались за необходимость ликвидации черты оседлости и предоставление еврейскому населению гражданского равноправия в Российской империи. Однако такие идеи казались все же чересчур смелыми. И все же в правительственных кругах господствовало мнение о необходимости критически пересмотреть российское законодательство по отношению к евреям и смягчить его слишком репрессивный характер.

Правительство Александра II прежде всего отказалось от планировавшегося Николаем I разделения еврейского населения на "полезное" и "бесполезное", осуществление которого поставило бы на грань физического выживания большую для империи "бесполезную" часть еврейства. Затем в 1858—1879 гг. был принят ряд законов и постановлений, снимавших ограничения места жительства некоторым категориям еврейского населения: купцам 1-й гильдии, лицам с университетскими дипломами и учеными степенями, отставным солдатам, фармацевтам, дантистам и некоторым другим. Александровская военная реформа, заменившая рекрутчину всеобщей воинской повинностью, проводилась без всяких ограничений и ущемления по отношению к евреям. Осуществление земской и судебной реформ дало возможность иудеям принимать определенное участие в гражданской жизни страны.

В 1860-х — 1870-х гг. вышел ряд постановлений, касавшихся внутренней жизни еврейства. Они засвидетельствовали то, что государство отказалось от принципа грубого вмешательства в религиозную и культурную жизнь еврейского сообщества. В 1859 г. государство дало большую свободу хедерам. В 1862 г. на должности смотрителей еврейских казенных училищ, которые ранее занимали только христиане, стали допускаться и евреи, что способствовало повышению престижа этих

отнюдь не популярных среди еврейства учебных заведений. Когда же власти окончательно убедились в неэффективности казенных еврейских училищ, они в 1873 г. пошли на их ликвидацию. На базе училищ начали действовать начальные светские еврейские школы, а на базе раввинских училищ — еврейские учительские учебные заведения, в задачу которых уже не входила подготовка раввинов.

Мероприятия правительства Александра II по смягчению отношения государства к еврейскому населению значительно способствовали появлению тех сдвигов в культурной жизни еврейства, которых безрезультатно добивались от него репрессивные законы предыдущего царствования. Начала разрушаться культурная замкнутость еврейства. Его представители охотно потянулись к светскому образованию и к русской культуре. После подавления восстания 1863—1864 гг. , в котором литваки, в отличие от их соплеменников в Царстве Польском, поддержавших повстанцев, активного участия не принимали, опять-таки проявляя лояльность к русскому государству, российские власти взяли курс на тотальную русификацию белорусского края. Обязательное изучение русского языка вводилось и в еврейские учебные заведения. Насильственное его насаждение вызывало настороженность меламедов и содержателей хедеров. Но куда большей была в то время естественная тяга благодарного еврейства к восприятию языка и культуры России, проявившей хотя и минимальное, но столь ожидаемое евреями благосклонное к ним отношение.

Еврейские общины учреждали школы изучения русской грамоты, организовывали частное изучение русского языка для детей. Все чаще еврейские родители стали посылать своих детей в государственные учебные заведения после окончания учебы в хедерах. Стабильно увеличивалось и число евреев-студентов в российских университетах. Эйфория, охватившая еврейство Российской империи того времени, наиболее ярко проявлялась в среде маскилим, где чрезвычайной популярностью пользовались ассимиляторские идеи и крепло стремление к тесному сближению с русским обществом. Тогда возникли русско-еврейская журналистика, еврейская русскоязычная историческая наука и литература. В их становление и развитие внесли немалый вклад и литваки, в том числе и самый знаменитый в то время русскоязычный еврейский писатель и публицист, один из основоположников русско-еврейской литературы, уроженец Минска Лев (Лейб Иегуда) Леванда, в 1860—80-е гг. занимавший должность ученого еврея при виленском губернаторе. Отрезвление от эйфории пришло позже. Но тогда казалось, что российские евреи, наконец, обрели в России родину.

В то время в синагогах Беларуси начали произноситься проповеди на русском языке. Пионерами этого движения стали представители нового

поколения раввинов, выпускники раввинских училищ. Одним из них был избранный в 1860 г. на должность минского раввина Соломон Минор, занявший впоследствии пост московского раввина, блестящий оратор и приверженец гаскалы, основатель минской общественной еврейской библиотеки, которая стала центром сбора источников и материалов по еврейской истории, человек, немало сделавший для улучшения деятельности благотворительных еврейских организаций Минска [26].

Избрание Минора, выпускника Виленского раввинского училища, на должность минского раввина проходило в ожесточенной борьбе между стронниками старины и представителями нового поколения еврейских интеллектуалов городской общины. Тогда победили последние. Но так происходило далеко не всегда. Еврейские общины в массе своей относились с недоверием к воспитанникам раввинских училищ и на раввинские посты их, как правило, не избирали, А если под нажимом властей вынуждены были избирать, то назначали им такое мизерное жалование, на которое практически невозможно было прожить.

Тогда некоторые молодые раввины обращались к правительству с просьбой заменить выборы раввинов государственным назначением с введением гарантированного государственного жалования. Такие же предложения поступали и от губернских администраций. Против резко выступила значительная часть еврейского сообщества, в том числе и еврейская интеллигенция. Власти все же не решились посягнуть на тысячелетние еврейские традиции, понимая, что запрет избрания раввинов вызовет очень сильное сопротивление со стороны еврейства, и раввинат будет избираться по-прежнему, но уже нелегально.

Таким образом, раввинский вопрос, причиной возникновения которого стало введение во времена Николая I института казенных раввинов, оставался одним из самых сложных в круге узловых проблем во взаимоотношениях империи и иудеев на протяжении многих десятилетий, вплоть до 1917 г. Эта проблема не исчезла и после того, как с течением времени ослабел конфликт между поколением маскилим и основной массой еврейства.

Имперский закон требовал от раввинов исполнения обязанностей как по отношению к еврейскому обществу, так и по отношению к властям. С точки зрения русского законодательства, раввин должен был быть охранителем и толкователем еврейского Закона, исполнителем религиозных обрядов. Ему одному государственный закон позволял проводить богослужения и исполнять обряды, важнейшими из которых являлись обрезание, присвоение имен младенцам, заключение браков и оформление разводов, захоронение покойников. Раввин также должен был вести метрические книги и представлять их гражданскому начальству.

Очерчивая круг обязанностей раввинов, русское правительство понимало, что "евреи не имеют привычного для христианства института духовенства", но все же навязывало раввинату обязанности, которые не соответствовали иудейским традициям и правилам. И именно в этом коренились причины взаимного непонимания между государством и еврейством по отношению к раввинскому вопросу. Раввин для евреев не являлся духовным лицом, наподобие христианского священника. Он, равный со всеми своими единоверцами перед Богом, выделялся среди них только авторитетом научных познаний. Избирался как знаток и эксперт религиозного права, компетентный толкователь Закона, а не исполнитель обрядов.

Значительно осложнил раввинскую проблему закон 1857 г., по которому еврейские общины должны были избирать на раввинские должности только лиц, прошедших курс обучения в раввинских училищах, а после ликвидации последних, в еврейских учительских институтах или имевших аттестаты об окончании средних или высших учебных заведений общего типа [27]. Так государство определило общеобразовательный ценз для раввинов, который приравнивался к курсу шести или четырех классов прогимназий и шести классов реального училища . Однако, уровень религиозных знаний, наиболее ценимых евреями, в расчет не принимался. Это привело к тому, что раввинские посты стали доступны людям, которые не всегда владели всем богатством религиозных знаний. В то же время лицам, компетентным именно в области раввинских наук, но не имевшим означенного государственным законом образовательного ценза, путь к раввинским постам был закрыт.

Еврейские общины реагировали на этот закон таким образом: казенных, или, по официальной терминологии, гражданских, раввинов избирали "по необходимости" и видели в них, прежде всего, чиновников, которые вели акты гражданского состояния. А настоящими своими духовными руководителями избирали так называемых духовных раввинов. С точки зрения русского законодательства, духовные раввины не имели никаких прав. Но для евреев сила их морального авторитета была выше имперского закона. Особенно в среде литваков, не терявших традиционного уважения к раввинской учености.

Как и издавна, литвацкие еврейские общины стремились избирать на должности раввинов личностей, наиболее авторитетных, известных знатоков религиозной учености, знаменитых и уважаемых ученых. А таких в Беларуси во второй половине XIX в. — начале XX в. было немало.

Самым знаменитым из них в то время был рабби Ицхак Элханон Спектор, уроженец Гродненщины, бывший раввином в Изабелине, Березе, Несвиже, а с 1864 г. в Ковно. Несвижские евреи, в свое время, выкрали знаменитого рабби из местечка Береза и ночью тайно пере-

везли его в Несвиж. Уникальные познания, глубокий ум, добросердечность и гражданская активность принесли Спектору огромную популярность не только среди единоверцев-земляков, но и среди евреев мира. И после смерти знаменитого рабби его портреты хранились в еврейских домах российской черты оседлости, в Петербурге, Сибири, Соединенных Штатах Америки, Марокко и других стран [28].

Духовным раввином в Слуцке и Бресте был знаменитый рабби Йосеф Бер-Дов Соловейчик, чей авторитет богослова очень высоко ценился современниками. Сын раби Йосефа — Хаим Соловейчик, занимавший пост брестского раввина, считался одним из самых выдающихся представителей раввинской учености на рубеже XIX —XX вв. , первым из первых раввинов того времени.

Духовные раввины пользовались особой популярностью в тех общинах, где издавна на должности раввинов избирались выдающиеся ученые: в Бресте, Бобруйске, Гродно, Минске, Мире, Новогрудке, Слониме, Сморгони, Шклове. Белорусские хасиды авторитетнейшими своими руководителями и в то время считали любавичских раввинов из рода Шнеерсонов — рабби Самуила Шнеерсона, позднее рабби Шолема Дубер Шнеерсона. Вопрос о легализации русским законодательством духовных раввинов неоднократно поднимался представителями еврейских общин. Однако русское правительство на это не пошло.

И в либеральные александровские времена, и в более поздние, не очень либеральные, в русском обществе продолжали господствовать представления о евреях как об иноверной, темной массе, которой руководят “невежественные” и “темные” раввины [29]. Широко пропагандировалось мнение о евреях как враждебном христианам иноверном сообществе. В 1869 г. на средства Виленского учебного округа была издана печально знаменитая “Книга Кагала”, составленная крещеным евреем из Минска Яковом Брафманом. Помещенный в ней некорректно и ошибочно переведенный, а также тенденциозно поданный и прокомментированный ряд актов Минского кагала конца XVIII — начала XIX в. призван был убедить читателя в том, что еврейство — это “государство в государстве”, вредное и опасное для России и всего христианского мира. Несмотря на то, что появление “Книги Кагала” вызвало резкий протест со стороны раввината и еврейской интеллигенции, она неоднократно переиздавалась на казенные средства и активно распространялась властями среди чиновничества на местах как чрезвычайно “полезная “ и “познавательная” [30]. Часто цитировалась “Книга Кагала” и в русской периодической печати.

С конца 1850-х гг. русские газеты и журналы начали затрагивать еврейскую тематику. Однако вопрос об эмансипации евреев в Россий-

ской империи поднимать в печати запрещалось. Между тем, снисходительность имперской цензуры по отношению к откровенно антисемитским опусам российских литераторов и журналистов не знала границ. Тогда расцвела антисемитская пресса, успешно внедрявшая в русское общество враждебную подозрительность по отношению к иудеям и их стремлению принимать участие в экономической и культурной жизни страны. Грубая антисемитская пропаганда суворинского "Нового времени", где наряду с многими антиеврейскими материалами, появилась печально знаменитая статья "Жид идет !" (эта красноречивая реакция русского общества, столь давно и долго требовавшего от евреев решительных шагов к культурному с ним слиянию, на, наконец, пробудившееся в еврействе желание к культурному сближению), а также других изданий в стране, которая не имела традиций веротерпимости, значительно способствовала укоренению и усилению в русском общественном сознании ксенофобских настроений. В последние годы царствования Александра II к тому же начали широко распространяться мнения о "вредности" экономической деятельности евреев, а правительство в решении еврейского вопроса все более решительно отходило от либеральных принципов.

Начало царствования Александра III ознаменовалось серией кровавых еврейских погромов, прокатившихся по югу империи летом 1881 г. и погромами конца 1881—начала 1882 г. в Варшаве и Балте. Погромы происходили при полной бездеятельности властей, а часто при прямом их попустительстве, при почти полном молчании демократической и либеральной русской прессы, под одобрительный аккомпанемент прессы официальной. В то время погромная волна не затронула Беларусь и Литву, где местные администрации заняли жесткую антипогромную позицию. Еврейское население ряда белорусских городов и местечек пострадало в то время лишь от подозрительных, будто бы планово возникавших, пожаров.

Осмысление уроков погромов правительством Александра III отразилось в принятии 3 мая 1882 г. "Временных правил" — государственного документа, который, в сущности, обвинял в погромах самих евреев, пробудивших "гнев народа". "Временные правила" просуществовали до 1917 г. Они запрещали евреям вновь селиться за границами городов и местечек, приобретать недвижимое имущество в сельской местности и торговать по воскресеньям и двудесятым христианским праздникам.

С 1883 г. начала работать "Высшая комиссия по пересмотру действующих законов о евреях" во главе с графом К.И.Паленом, вошедшая в историю как Паленская комиссия. Комиссия работала долго и в конце концов пришла к заключению, что государственные репрессив-

ные меры по отношению к иудейскому населению наносят значительный вред, прежде всего, самому государству и должны быть отменены. Такие выводы не понравились императору и не были приняты к сведению правительством, которое в 1880-е—1890-е гг. продолжало отменять одно за другим относительно либеральные постановления предыдущего царствования. Евреи выселялись из внутренних губерний в черту оседлости, из деревень — в города и местечки, лишились прав участия в городском самоуправлении. В 1887 г. правительство ввело процентную норму для евреев, которая ограничивала прием лиц иудейского исповедания в средние и высшие учебные заведения: до 10% в черте оседлости, 5% — за ее пределами, 3% — в столицах.

Погромы 1880-х гг. и ужесточение репрессивной политики по отношению к евреям вызвали в Западной Европе и США бурю протестов, митингов и поток воззваний к царю и правительству России. *"Есть Книга, составляющая общее достояние Израиля и христианских народов,* — обращался в то время к русским властям католический кардинал и епископ Лондонский Маннинг, — *и в этой книге читаю я, что Израиль — древнейший народ на земле, между тем, как русские, австрийцы и англичане суть только народы вчерашнего дня. И живет этот народ силой своего неугасимого духа, своих неизменных традиций, своей непоколебимой веры в Бога и божественные законы, — народ, рассеянный по всему миру, прошедший сквозь огонь и не погибший, поверженный в прах, но не смешавшийся с прахом"* [31]. Имперские власти запретили тиражировать подобные высказывания и воззвания в русской печати и делали вид, что никакой отрицательной реакции мировой общественности на еврейские погромы в России не существует.

В еврейском обществе империи царили разочарование и растерянность. Жертв погромов оплакивали и поминали молитвами и постами во всех синагогах страны. Эти *"политические демонстрации перед Богом"* [32] совпали с началом массовой стихийной еврейской эмиграции из Российской империи. Отношение царского правительства к эмиграции евреев, которая со временем начала приобретать такие масштабы, что напоминала уже исход [33], цинично выразил тогдашний министр внутренних дел России Н.П. Игнатьев, заявивший: "Западная граница для евреев открыта".

Особенно остро и болезненно переживали крах своих надежд и ожиданий последователи ассимиляторского движения в еврейском обществе. Многие из них тогда стали склоняться к палестинофильской идее, которая отражала стремление гонимого народа найти убежище на земле предков — в Палестине. Огромной популярностью среди еврейства того времени пользовались книги знаменитых российских идеологов палестинофильского течения — П. Смоленскина, М. Лилиенблюма, а

также Л. Пинскера, чья брошюра "Автоэмансипация" (1882) стала настоящим катехизисом палестинофильства.

В 1880-е гг. в еврейском сообществе ощутимо стали крепнуть и расширяться оппозиционные настроения. Его представители вступали в социал-демократические объединения, создавали рабочие кружки, вели революционную пропаганду среди населения. В 1897 г. возник Бунд — Всеобщий рабочий еврейский союз в Литве, Польше и России. В том же году в Базеле состоялся первый мировой конгресс сионистов. Он провозгласил возникновение и организационное оформление сионистского движения, воплотившего решимость еврейства диаспоры искать путь к национальному освобождению в создании еврейского государственного центра на исторической родине. С того времени сионистские идеи начали стремительно распространяться среди евреев Российской империи, в том числе и Беларуси, что засвидетельствовали многочисленные секретные донесения местных полицмейстеров [34]. В 1902 г. российские сионисты провели в Минске II Всероссийский сионистский съезд .

Правительство в то время занимало по отношению к сионизму, который обещал значительно уменьшить число неблагонадежного для страны еврейского населения, выжидательную позицию. Однако возрастание в среде представителей этого движения оппозиционных по отношению к царизму настроений заставило власти запретить в 1907 г. деятельность сионистских организаций в России. В начале XX в. в еврейском сообществе возникали и создавались и иные движения и политические партии, как социалистического, так и национального направлений.

В 1906 г. Совет министров России во главе с П.А.Столыпиным попробовал довести до сведения последнего русского царя Николая I мнение о спешной необходимости решить еврейский вопрос путем постепенного ослабления репрессивного законодательства, так как, по мнению Совета, именно неудовлетворенность существующим положением толкает евреев "на путь отчаянной борьбы с существующим строем, чтобы добиться смягчения давящих на них законодательных ограничений в их имущественных и гражданских правах" [35]. Это предложение Совета министров царь утвердить категорически отказался. Еврейский вопрос продолжал "решаться" методами предыдущего царствования. Еврейские погромы, прокатившиеся по стране накануне и во время революции 1905—1906 гг. и в контрреволюционный период, нередко представлялись властями как патриотические выступления против иноверных эксплуататоров и революционеров. Показательным, по мнению властей, должен был стать киевский процесс по обвинению евреев в использовании в их обрядах христианской крови — дело

М. Бейлиса (1911—1913), этот страшный в начале XX в. рецидив Средневековья. Суд присяжных оправдал Бейлиса, и это вызвало крайнее неудовлетворение организаторов процесса из властных структур.

В то время погромная волна достигла и Беларуси. В 1903 г. разразился погром в Гомеле, в 1904 г. — в Могилеве. В Гомеле впервые активно проявили себя еврейские отряды самообороны, не позволившие погромщикам разгуляться всласть. Впоследствии на суде более обвиняли членов отрядов самообороны в применении силы против нападавших, чем самих погромщиков. В 1904 г. во время мобилизации населения а армию в начале русско-японской войны по Беларуси прокатилась серия "мобилизационных" погромов и антиеврейских беспорядков [36]. 1033 жизни унесли погромы революционных 1905—1906 гг. в Могилевской, Витебской, Минской, Гродненской и Виленской губерниях [37].

В конце XİX —начале XX в. менялись не только внешние, но и внутренние условия существование еврейского сообщества. Патриархальный, замкнутый мир еврейской жизни разрушался. Распространение светских культурных веяний и идеологических течений способствовали развитию светской еврейской культуры — литературы, живописи, театрального искусства. Еврейская молодежь, особенно та, которая проходила через светские школы и университеты, начинала все более критически относиться к религиозным традициям отцов, а нередко и отрекалась от еврейства. Атеистические настроения наибольшее распространение находили среди еврейской молодежи, приобщившейся к революционному движению.

В то время в еврейском обществе все чаще стали обсуждаться вопросы о необходимости реформирования традиционного религиозного образования и даже проведения определенной религиозной реформы, которая могла бы скорректировать взаимоотношения религии и современности и смягчить кризисные явления в духовной жизни еврейства [38].

Большие претензии высказывала новая еврейская интеллигенция к хедерам, через обучение в которых, как и издавна, проходило все, без исключения, мужское еврейское население в возрасте с 7 до 11 лет. Хедеры, как правило, не имели устойчивых программ обучения, не знали организованного распорядка учебного процесса и режима дня для учеников, сторонились, как и прежде, не только светских наук, но и серьезного изучения грамматики иврита. Отрицательно сказывались на здоровье воспитанников хедеров отсутствие специальных помещений для занятий и элементарных санитарных условий.

В 1893 г. государство, до того еще пытавшееся, хотя и безрезультат-

но, контролировать деятельность многочисленных хедеров и меламедов, большая часть которых работала в подполье, позволило, наконец, меламедам действовать без ограничений по свидетельствам, которые начали выдаваться без всяких экзаменов по светским предметам сроком на один год, стоили 3 рубля и подкреплялись справкой из полиции о политической благонадежности. Таким образом, в многолетней, долгой борьбе русского государства с еврейскими меламедами и хедерами, победили последние. Хедер из этой борьбы вышел в своем первоначальном, традиционном виде. Однако веянья времени вносили свои коррективы. Многие меламеды в начале XX в. начали использовать учебники по грамматике иврита, вводить в курс обучения так называемые альтернативные еврейские предметы и, прежде всего, еврейскую историю, некоторые вводили и уроки по физическому воспитанию юношества.

Значительный вклад в реформирование традиционной еврейской религиозной школы внесли последователи сионистского движения. В начале XX в. они организовывали в городах и местечках, в том числе и на Беларуси, хедеры нового типа. Новый, так называемый "образцовый хедер" (хедер метукан) работал по установленному учебному плану, имел определенный распорядок дня. Языком обучения в нем был иврит, в отличие от традиционного хедера, где обучение велось на идиш. Образцовые хедеры удивляли современников чистотой светлых школьных помещений, оборудованных удобной мебелью, а также естественностью поведения здоровых и веселых учеников, доброжелательностью и простотой отношений между наставниками и учениками [39].

Внимание к проблемам еврейского образования для сионистов не было случайным. Поскольку определялось их отношением к религии как к первооснове еврейской духовности и культуры. Такой подход к религиозному вопросу отличал сионистов от представителей ряда других политических и идеологических движений внутри еврейства. И от бундовцев, объявивших войну сионизму. И от автономистов, стремившихся к созданию условий для развития, прежде всего, светской еврейской культуры в условиях диаспоры. Сионисты же главной своей задачей считали духовную подготовку "народа пустыни" к возвращению на землю предков [40].

Ортодоксальное еврейство идеи сионизма не воспринимало. Работу с ортодоксами главным своим направлением избрала консервативная фракция российского сионистского движения — "мизрахи", которую возглавил уроженец Минщины, духовный раввин, имевший репутацию выдающегося талмудиста, Ицхак бен Шломо Нафтали Рейнес. В 1903 г. в Лиде состоялся съезд мизрахистов, где обсуждалась стратегия культурной деятельности фракции, ставились вопросы о необходимости

налаживания контактов с ортодоксальным и хасидским раввинатом, а также создания еврейского богословского института нового типа [41]. В 1905 г. Рейнесу с помощью единомышленников-сионистов удалось основать в Лиде образцовую иешиву. Впервые в ней были введены распределение учащихся по классам и переходные экзамены. Умеренно реформированная Лидская иешива очень скоро приобрела значительную популярность. В 1908 г. в ней обучалось уже более 300 юношей, которых к новому богословскому институту привлекало не только желание постигать раввинские науки, но и возможность получить разнообразные светские знания, необходимые в повседневной жизни.

Традиционные высшие еврейские религиозные учебные заведения Беларуси, среди которых были всемирно известные Воложинская, Слуцкая, Мирская иешивы, старались не отступать от издавна заведенных правил и обычаев. Особой консервативностью отличалась Воложинская иешива, где в начале 1890-х гг, по сведениям минского губернского начальства, обучалось около 2000 юношей в возрасте от 13 до 25 лет, в том числе и молодые люди из Австрии, Англии, Египта, Сирии и *"из самых отдаленных стран земного шара"* [42]. Глава иешивы Нафтали Берлин, ревностно охранявший ортодоксальную чистоту воложинской цитадели раввинизма, решительно отказался подчинить иешиву Министерству народного просвещения России и игнорировал министерские "Правила о Воложинском иешиботе", принятые в 1891 г. В результате в 1892 г. Воложинская иешива была закрыта правительственным указом.

В конце XIX — начале XX в. в Беларуси существовала и созданная стараниями хабадских хасидов во главе с рабби Шолемом Дубер Шнеерсоном хасидская иешива, отделения которой действовали в Любавичах, Городище Могилевской и Щедрине Минской губернии. А в Новогрудке работала иешива, где обучались последователи популярного тогда среди литваков, возникшего в середине XIX в., мусарнитского (мусар — мораль) движения, основателем которого был рабби Исраэль Салантер из Ковно. Мусарники культивировали в своей среде мистические настроения и главное внимание уделяли духовному и нравственному самосовершенствованию и самодисциплине. Новогрудская мусарнитская иешива, созданная рабби Исраэлем Иоцелем Гурвичем, была одной из самых знаменитых и последней по времени существования мусарнитской школой на территории Восточной Европы [43].

Первая мировая война прервала деятельность многих иешив и многих центров религиозной жизни евреев Беларуси, разрушила многочисленные еврейские общины и религиозные учреждения на западе края. В 1915 г в потоках беженцев, хлынувших с оккупированных немецкой армией территорий на восток Беларуси, было немало евреев.

Их еще до оккупации русское командование насильственно выселяло из прифронтовых зон как потенциальных "шпионов". Выселения из Минской и Виленской губерний продолжались и после 1915 г. В августе 1915 г. русское правительство временно отменило черту оседлости, так как населенные пункты свободных от оккупации земель в пределах этой черты не могли вместить толпы беженцев. Тогда печально шутили, что черту оседлости в России отменил не Николай II, а Вильгельм II.

Много еврейских беженцев скапливалось в городах центральной и восточной Беларуси. В Минск тогда прибыли почти в полном составе многие иешивы во главе со своими руководителями. Раби Гурвич из Новогрудка перебрался вместе с учениками в Гомель, откуда бывшие новогрудские ешиботники разошлись по городам и местечкам Беларуси и Украины, чтобы пропагандировать учение мусар.

Очень активно в то время работали еврейские благотворительные организации и учреждения Беларуси. Делам благотворительности, как уже отмечалось, литваки всегда уделяли большое внимание. К тому же, белорусское еврейство в массе своей было, мягко говоря, незажиточное и нуждалось в помощи благотворительных организаций. Многие семьи жили буквально за чертой бедности. В 1898 г., по подсчетам Еврейского колониального общества, в благотворительные организации за пособиями перед праздником Пейсах обратились в Минской губернии более 15% всех еврейских семей, в Гродненской — 20,2%, в Могилевской — 16,8%, Витебской —18,5%, Виленской —23,3%. [44]

По данным всероссийской переписи 1897 г. в Витебской, Виленской, Гродненской, Могилевской и Минской губерниях проживало более 1.200.000 евреев из пятимиллионного еврейского населения Российской империи. В начале XX в. тут действовало около 750 благотворительных еврейских организаций: общества помощи бедным и больным, ссудные кассы, богадельни, приюты для престарелых, больницы, общества помощи бедным невестам, дешевые столовые и. т.д [45]. Во время войны были учреждены еврейские комитеты помощи беженцам, развернувшие тогда, без преувеличения, колоссальную работу в городах и местечках белорусского края.

Разрушение многих традиционных центров еврейской культуры во время первой мировой войны содействовало разрушению привычного мира ерелигиозной жизни. Утраты совпали по времени с процессом омоложения духовного раввината — старшее поколение авторитетнейших духовных раввинов сходило с исторической сцены[46]. Их тогда еще молодым преемникам предстояло утвердить себя в роли духовных руководителей и возглавить еврейские общины Беларуси в чрезвычайно сложных и критических обстоятельствах — накануне и во время революции 1917 г., а также отстаивать интересы еврейства в грядущей эпохе.

Примечания:

[1] Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874, с.21.

[2] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, с.553.

[3] См.: Eisenbach A.The Emancipation of the Jewish Poland: 1780—1870. Oxford, 1991, s. 21—212.

[4] Гессен Ю. История евреев в России. СПб,. 1914, с.49.

[5] Дубнов С.М. История хасидского раскола на основании первоначальных источников, печатных и рукописных // Восход, 1890, №2, с. 103.

[6] Из автобиогрфии Соломона Маймона // Еврейская библиотека, 1881, т.1, с. 209.

[7] См.: Дубнов С. Социальная и духовная жизнь евреев в Польше в первой половине XVIII века // Восход, 1899, № 1, с. 1—18.

[8] См.: Дубнов С. Религиозная борьба среди русских евреев в конце прошлого века // Восход, 1893, № 1, с. 37—61; № 2, с. 67—99; № 4, с. 1—26.

[9] См.: Вмешательство русского правительства в антихасидскую борьбу (1800—1801) // Еврейская старина, 1910, вып. 1, с. 84—109.

[10] См.: Klier J.D. Russia gathers her Jews: The Origin of the Jewisz Question in Russia (1772—1825) // De Kalb. 1982.T.1, p. 120—131.

[11]См.: Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корысных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем // Архив исторических и практических сведений, относящихся к России. 1860/1861, кн. 4, с.. 61—84.

[12] Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского ун-та. F-2, Кс. 518, л. 134—135.

[13] Цинберг С. Шклов и его просветители конца XVIII века // Еврейская старина, , 1928, т. XII, с. 17—44; Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа: от французской революции до наших дней. Т.1, Рига, 1937, с. 313—314; Fiszman D.E. Russia's first modern jews: The jews of Szklov. N.Y.—London, 1996.

[14] См.: Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912.

[15] См.: Кузняева С.А. Расійскае біблійнае таварыства і беларускія яўрэі // Беларусіка. Мінск, 1995, с. 65—69.

[16] Гессен Ю. Из истории ритуальных процессов. Велижская драма. СПб., 1905; Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИА РБ), ф. 1297, оп.1, д. 25255.

[17] Герцен А.И. Былое и думы. Мн., 1971, с. 214—215.

[18] НИА РБ, ф.1297, оп. 1, д. 22349.

[19] Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874, с. 874. О евреях-кантонистах см., напр., Никитин В. Многострадальные // Отечественные записки. 1871, №№ 8—10.

[20] Каган М. Домашний регламент в Белоруссии (1845) // Еврейская старина, 1910, вып. 1, с. 110—117; НИА РБ, ф. 295, оп. 1, дд. 436, 698.

[21] НИА РБ, ф.3157, оп.2, д. 65.

[22] Моргуис М. К истории образования русских евреев // Еврейская библиотека, 1881, т.1, с. 151.

[23] Гессен Ю. Цадик Мендель Любавичский // Восход, 1905, № 1.

[24] НИА РБ, ф. 3157, оп. 1, д. 548, лл. 2—7; Марек П. Очерки по истории просвещения евреев в России. М., 1909, с. 31.

[25] См.: Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. СПб.,1877, с. 73—88.

[26] Гинзбург С. Памяти 3. Минора // Восход, 1900, № 5, с. 9—11.

[27] Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874, с.880.

[28] См.: С.Г-ъ. Рабби И.З.Спектор // Восход, 1897, кн. 8, с.1—14; К. Памяти Ицхока Эльхонона Спектора // Там же, кн. 6, с. 9.

[29] См.: Материалы для географии и статистики России. Минская губерния. Сост. И.Зеленский. Ч.II, СПб., 1864, с. 432.

[30] См.: Оршанский И.Г. Евреи в России. СПб., 1877, с. 346—348; Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т.2 М., 1923, с. 200.

[31] Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа.Т. 3, Рига, 1938, с.113.

[32] Там же, с. 111.

[33] Лацкий В. Очерки еврейской эмиграционной политики // Еврейская нива, 1913, № 2, с. 49—54.

[34] НИА РБ, ф. 295, оп.1, д. 6459, лл. 1-49.

[35] Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 года. О пересмотре постановлений, ограничивавших права евреев // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. IV. М., 1982. С. 758.

[36] Беспорядки, производимые призывниками // Будущность, 1904, № 42, с. 730—731; № 43, с. 744—745.

[37] Pogroms. Anti-Jewisz. violence in modern Russian history. Cambridge, 1992, p. 393.

[38] См.: Брагин А. К вопросу о реформе в области еврейской религии // Восход, 1895, кн. 1, с. 54—81; кн. 2, с. 75—107; Гурвич И. Какие нам теперь нужны раввины? // Будущность, 1903, № 47, с. 925—926.

[39] На пути оздоровления хедера // Восход, 1903, № 2, с. 9—10.

[40] См.: Аршавский Ф. О значении синагогальных приходов для культурной работы // Будущность, 1903, № 28, с. 546—547; Сионизм и благотворительные организации // Там же, № 35, с. 691—693; № 36, с. 706—709.

[41] См.: Дубровицкий Д. Сионистский съезд в Лиде // Будущность, 1903, № 8, с. 148—149; № 9, с. 169—171; № 12, с. 230-231.

[42] НИА РБ, ф. 295, оп. 1, д. 5408, л. 2—2 об.

[43] Fiszman D.E. Musar and modernity: The case of Novaredok // Modern Judaizm, 1987, p.41—64.

[44] Еврейская энциклопедия. Т. V, с. 564, 638; т. VI , с. 798; т. XI , с. 82, 151.

[45] Еврейская энциклопедия. Т. V, с. 564, 638; т. VI , с. 798; т. XI , с. 82, 151.

[45] Там же, т.V, с. 558, 564, 635, 639; т. VI, с. 795, 798; т. XI, с. 78, 82, 149.

[46] См.: Фішман Д. Лёс іудаізму ў савецкай Беларусі (1920—1930) // Беларусіка, 1995, с. 112.

Сдано в набор 20.01.98. Подписано к печати 23.02.98. Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 2. Тираж 200 экз. Зак. 28.

РИП "Петит". 220116, г. Минск. пр-кт "Правды", 30/80. Лицензия на изд. деятельность ЛВ №87.

Отпечатано в типографии ИПЦ. Минск, ул. Стебенева, 20.